

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
первая
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 30-41.

Voropaev V.A.
The death of Gogol as a testament to his
descendants. Article 1
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 30-41.

«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»

Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья первая¹

Воропаев В.А.,

*доктор филологических наук, профессор кафедры истории русской литературы,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова voropaevv1@bk.ru*

В статье предпринята попытка на основании достоверных документальных фактов восстановить картину последних дней жизни Н.В. Гоголя, дать ответ на вопросы, без решения которых создание научной биографии писателя невозможно. В них концентрируются духовные, мировоззренческие, творческие проблемы. В частности, рассмотрены события, связанные с кончиной Е.М. Хомяковой, в которых Гоголь, по свидетельству современников, увидел некое предвестие для себя.

Ключевые слова: Гоголь, религиозное мирозерцание, предсмертные дни, кончина Е.М. Хомяковой, Евангелие, откровение.

Для цитаты:

Воропаев В.А., «КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!» Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2017. Том 4. №4. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n4/Voropaev_1.shtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Voropaev V.A. "HOW SWEET IT IS TO DIE!" The Death of Gogol as a Testament to His Descendants. Article 1 [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2017, vol. 4, no. 4. Available at: http://psyjournals.ru/langpsy/2017/n4/Voropaev_1.shtml (Accessed dd.mm.yyyy)

Предсмертная болезнь, сожжение рукописей и кончина Гоголя донныне являются предметом размышлений для биографов. Внезапная, без видимых причин смерть Гоголя потрясла современников, воспринявших ее как завершение трагедии его жизни и творчества. 3 марта 1852 года Иван Сергеевич Тургенев писал Ивану Сергеевичу Аксакову из Петербурга: «...скажу Вам без преувеличения, с тех пор, как я себя помню, ничего не произвело на меня такого впечатления, как смерть Гоголя <...>. Эта страшная смерть – историческое событие – понятна не сразу: это тайна, тяжелая, грозная тайна – надо стараться ее разгадать... но ничего отрадного не найдет в ней тот, кто ее разгадает... все мы в этом согласны. Трагическая судьба России отражается на тех из русских, кои ближе других стоят к ее недрам – ни одному человеку, самому сильному духом, не выдержать в себе борьбу целого народа – и Гоголь погиб!

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 16-04-00523а («Ганатологический дискурс русской словесности XI–XX веков в аспекте межкультурной коммуникации»).

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
первая
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 30-41.

Voropaev V.A.
The death of Gogol as a testament to his
descendants. Article 1
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 30-41.

Мне, право, кажется, что он умер, потому что решился, захотел умереть...» (Гоголь в письмах и воспоминаниях И.С. Тургенева, его друзей и знакомых) [2, т. 3, с. 822–823].

Задача исследователя на основании достоверных документальных фактов восстановить картину последних дней жизни Гоголя, дать ответ на вопросы, без решения которых создание научной биографии писателя невозможно. В них концентрируются духовные, мировоззренческие, творческие проблемы.

<1>

Последние четыре года Гоголь прожил в Москве в доме графа Александра Петровича Толстого на Никитском бульваре. Граф Толстой был единственным человеком, который мог бы подробно – по дням – рассказать о том, что происходило с Гоголем в последний месяц жизни. Но он не оставил письменных воспоминаний. Естественно, что к нему сразу после смерти Гоголя обратились с вопросами. Устные рассказы графа Толстого стали основным источником сведений о последних днях Гоголя, сообщенных М.П. Погодиным в некрологической статье, опубликованной в журнале «Москвитянин» через две недели после кончины писателя, Н.В. Бергом в его воспоминаниях, С.П. Шевыревым в его письме к сестре Гоголя Марии Николаевне Синельниковой, доктором А.Т. Тарасенковым в его записках.

Гоголь жил в доме графа Толстого на всем обеспечении, ни в чем не нуждаясь. Он занимал переднюю часть нижнего этажа: две комнаты окнами на улицу (покои графа располагались наверху). Поэт и переводчик Николай Васильевич Берг вспоминал: «Здесь за Гоголем ухаживали как за ребенком, предоставив ему полную свободу во всем. Он не заботился ровно ни о чем. Обед, завтрак, чай, ужин подавались там, где он прикажет. Белье его мылось и укладывалось в комоды невидимыми духами, если только не надевалось на него тоже невидимыми духами. Кроме многочисленной прислуги дома служил ему, в его комнатах, собственный его человек, из Малороссии, именем Семен, парень очень молодой, смиренный и чрезвычайно преданный своему барину. Тишина во флигеле была необыкновенная» (Гоголь в воспоминаниях и письмах Н.В. Берга) [2, т. 3, с. 649].

В начале 1852 года Гоголь еще готовит к печати собрание своих сочинений. Намеков на болезнь в это время не было. За девять дней до Масленицы, то есть 25 января, Гоголя посетил земляк и старый приятель историк-славист Осип Максимович Бодянский. Он застал его за столом, на котором были разложены бумаги и корректурные листы. Гоголь пригласил Бодянского на воскресенье (27 января) к Ольге Федоровне Кошелевой (жившей неподалеку, на Поварской) слушать малороссийские песни. Однако встреча не состоялась.

26 января умерла после непродолжительной болезни Екатерина Михайловна Хомякова, тридцати пяти лет от роду, оставив семерых детей, человек Гоголю близкий и дорогой: она была женой Алексея Степановича Хомякова (Гоголь был крестным отцом их сына Николая) и сестрой одного из ближайших друзей Гоголя, поэта Николая Языкова².

Кончина Екатерины Михайловны Хомяковой в январе 1852 года явилась трагической вехой в истории русской культуры. Для тесного круга московского просвещенного дворянства, с его родственными и дружескими связями, эта смерть стала тяжелой утратой. Можно предположить, что Екатерина Михайловна была незримым средоточием духовной жизни

² Екатерина Михайловна заболела тифом на седьмом месяце беременности и скончалась «на третий день по разрешении от бремени» (Дневник Елизаветы Ивановны Поповой. 1847–1852) [7, с. 284]. Родившийся мальчик прожил несколько часов.

кружка московских славянофилов. Это подтверждает и поведение Гоголя во время ее болезни и кончины.

27 января на первой панихиде по Екатерине Михайловне Гоголь «насилу мог остаться до конца» (из письма В.С. Аксаковой к М.И. Гоголь-Яновской от 11 мая 1852 года) (Гоголь в письмах и записных книжках В.С. Аксаковой) [2, т. 2, с. 887] и сказал Хомякову: «Все для меня кончено» (из письма А.С. Хомякова к А.Н. Попову от конца февраля 1852 года) (Гоголь в письмах А.С. Хомякова и его жены Е.М. Хомяковой (рожденной Языковой) [2, т. 3, с. 198]. Тогда же, по свидетельству Степана Петровича Шевырева, друга и душеприказчика Гоголя, он произнес перед гробом покойной и другие слова: «Ничего не может быть торжественнее смерти. Жизнь не была бы так прекрасна, если бы не было бы смерти» (Гоголь в письмах и документах С.П. Шевырева) [2, т. 2, с. 111].

На следующий день, 28 января, Гоголь зашел к сестрам Аксаковым, жившим в ту зиму на Арбате, в Николо-Песковском переулке, – спросил, где похоронят Екатерину Михайловну. Получив ответ, что в Даниловском монастыре, возле брата Николая Михайловича, он, вспоминает Вера Сергеевна Аксакова, «покачал головой, сказал что-то об Языкове и задумался так, что нам страшно стало: он, казалось, совершенно перенесся мыслями туда и так долго оставался в том же положении, что мы нарочно заговорили о другом, чтоб прервать его мысли» (Гоголь в письмах и записных книжках В.С. Аксаковой) [2, т. 2, с. 887].

29 января, во вторник, состоялись похороны Хомяковой, на которые Гоголь не явился. Существует предположение, что в этот день он ездил в Преображенскую больницу для умалишенных, находившуюся в Сокольниках, к знаменитому московскому блаженному Ивану Яковлевичу Корейше³. В записках доктора Алексея Терентьевича Тарасенкова (и только в них) упоминается об этой загадочной поездке, которую он относит ко времени после 7 февраля: «В один из следующих дней он поехал в Преображенскую больницу на извозчике. Подъехав к воротам больничного дома, он слез с санок, долго ходил взад и вперед у ворот, потом отошел от них, долгое время оставался в поле, на ветру, в снегу, стоя на одном месте, и, наконец, не входя во двор, опять сел в сани и велел ехать домой» [12, с. 17].

Тарасенков не сообщает источника этих сведений. Вероятнее всего предположить, что он получил их от графа А.П. Толстого. Об Иване Яковлевиче Корейше Гоголь мог узнать от многих лиц. В частности, 10 мая 1849 года (на другой день после празднования именин Гоголя) у Корейши побывал историк Михаил Петрович Погодин, который записал в своем дневнике: «Ездил в Преобр<аженское> смотреть Иван<а> Яковл<евича>. – Примечатель<ное> явление. Как интересны приходящие. Напишу особо. Я не спрашивал, но, может быть, он говорил что-то и на мой счет, впрочем, не ясно» (Гоголь в письмах, дневниках и воспоминаниях М.П. Погодина) [2, т. 2, с. 497]; и на следующий день, 11 мая: «Обед<ал> <с> Гогол<ем> и гов<орил> с ним об обеде, Хом<якове>, Ив<ане> Як<овлевиче> и пр.» [там же].

Биографам Гоголя остался неизвестным факт посещения Корейши духовным отцом писателя протоиереем Матфеем Константиновским⁴. Об этом посещении рассказывает со слов самого отца Матфея схиархимандрит Михаил (в мире Макарий Косьмич Козлов, в рясофоре Мелетий), духовный писатель (ему приписывают авторство известной книги «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу»).

³ «В пользу указанного дня поездки говорит тот факт, что в это время Гоголь, пораженный смертью Хомяковой, находился в смятении и страшных предчувствиях, не имея духовной поддержки, и стремление встретиться с юродивым было для него, возможно, более важным, чем похороны Хомяковой» [13, с. 169].

⁴ На основании косвенных данных можно предполагать, что этот факт имел место в конце января или начале февраля 1852 года и был известен Гоголю.

«В 1853 году мне пришлось быть в городе Ржеве (Тверской губернии), – вспоминал отец Михаил, – и беседовать с известным целой России по добродетельной жизни отцом-протоиереем Матфеем⁵ Александровичем, который между прочими духовными разговорами говорил о предсказании ему юродивым Иваном Яковлевичем [Корейшей], проживавшим несколько десятков лет в Москве при доме умалишенных:

"Года два тому назад вздумал я, – говорил отец Матфей, – устроить придел во имя преподобного Дионисия, архимандрита Св<ято>-Троицкой Сергиевой лавры, в нашем Ржевском соборе, но средств к этому никаких не было. В это время по неожиданному случаю я вызван был в Москву, где по окончании своих дел, вздумал посетить Ивана Яковлевича, о котором много слышал хорошего. На вопрос мой, – будет ли успех в моем намерении устроить придел в соборе? – он вместо ответа позвал к себе служителя и приказал ему принести маленький рассыпавшийся бочонок, что служитель немедленно исполнил. Иван Яковлевич начал прилежно исправлять бочонок, который через несколько минут и был готов, так что как будто нисколько не был поврежден: дощечки, донышки и обручи были все на своем месте, ни одной щелочки было не видно. Исправленный бочонок он передал мне с сими словами: "На-ка, посмотри, ведь, кажется, хорош будет, не потечет".

«После этого, – продолжил свой рассказ отец Матфей, – я ничего не слышал от Ивана Яковлевича и возвратился в свой город Ржев. Находясь дома, при разговоре с одним благотворительным лицом, я объяснил ему свое намерение устроить новый предел. "Что же, это дело хорошее, начинайте, Бог вам поможет", – так мне ответил благотворительный собеседник и ушел из моего дома. Через несколько дней после этого разговора начали являться ко мне один по одному из богатых граждан, каждый со своим заявлением помогать доброму задуманному мною делу материальными средствами: один обещался пожертвовать кирпичи, другой – лесу, третий – написать иконы, четвертый – устроить иконостас, а пятый – заплатить за работу. И таким образом, без дальних хлопот с моей стороны, при Божией помощи и помощи благотворительных граждан наших, которых я и не просил о пособии, придел устроен был в прекрасном виде, как вы видите, через непродолжительное время. Значит, предсказание Ивана Яковлевича посредством собранного им рассыпанного бочонка сбылось со мною на самом деле", – заключил покойный отец Матфей» (Записки и письма обратившегося из раскола Афонского инок Мелетия, в схиме Михаила, 1850-х годов. Воспоминание о сбывшихся предсказаниях, [данных] двумя юродивыми. [Афонский вариант текста издания 1916 года]) [8, с. 258; см. также 5, с. 11–12].

Доктор Тарасенков к рассказу о поездке Гоголя сделал примечание: «По случаю дурной погоды, он мог в такую прогулку простудиться; впрочем, начало и течение болезни не показывали простудного (острого) характера. <...> В Преображенской больнице находится один больной (Иван Яковлевич), признанный за помешанного; его весьма многие навещают, приносят ему подарки, испрашивают у него советов в трудных обстоятельствах жизни, берегут его письменные замечания и проч. Некоторые радуются, если он входит с ними в разговор; другие стыдятся признаться, что у него были... Зачем ездил Гоголь в Преображенскую больницу – Бог весть» [12, с. 17–18].

У Ивана Яковлевича Корейши бывали и люди высшего света, – их привлекала к нему его прозорливость. Не пришло ли и к Гоголю желание узнать волю Божию о себе через Божьего человека? И вот он поехал, а в последнюю минуту убоился (страшной могла оказаться правда).

30 января Гоголь в своем приходе заказал панихиду по Екатерине Михайловне. Дом графа А.П. Толстого относился к приходу церкви Преподобного Симеона Столпника, что на Поварской. После панихиды он зашел к Аксаковым, сказал, что ему стало легче. «Но страшна

⁵ Отец Михаил ошибочно пишет «Матфий» вместо «Матфей».

минута смерти!», – добавил он. «Почему же страшна? – возразил кто-то из Аксаковых. – Только бы быть уверену в милости Божией к страждущему человеку, и тогда отрадно думать, что он умрет». – «Ну, об этом надобно спросить тех, кто перешел через эту минуту», – ответил он [2, т. 2, с. 887].

На вопрос, почему его не видели на похоронах Хомяковой, Гоголь ответил: «Я не был в состоянии». «Вполне помню, – рассказывает Вера Сергеевна Аксакова, – он тут же сказал, что в это время ездил далеко. – Куда? – В Сокольники. – Зачем? – спросили мы с удивлением. – Я отыскивал своего знакомого, которого, однако же, не видал» [там же, с. 890].

В Сокольниках жил близкий знакомый Гоголя Московский гражданский губернатор Иван Васильевич Капнист и находилась также дача С.П. Шевырева. По всей видимости, упоминанием о «знакомом» Гоголь просто скрыл свое намерение посетить Корейшу. К тому же Степан Петрович тогда был на погребении Хомяковой. Все мысли и чувства Гоголя в те тяжкие дни заняты трагической смертью Екатерины Михайловны, и потому можно предположить, что цель поездки связана с событиями последних дней, и она была для Гоголя важнее даже похорон Хомяковой.

<2>

Екатерина Михайловна Хомякова была весьма примечательной личностью в кругу московских славянофилов. Происходила она из старинного рода симбирских дворян Языковых. Рано оставшись без отца, она жила с матерью, которая вела уединенный образ жизни. Сергей Нилус в книге «Великое в малом» рассказывает, что Екатериной Михайловной в ранней молодости был увлечен Николай Александрович Мотовилов («служба Божией Матери и Серафимов», как он впоследствии себя называл). Она привлекла его прежде всего свойствами своей высокорелигиозной души. На вопрос о ней преподобного Серафима, Саровского чудотворца, Мотовилов отвечал: «Она хоть и не красавица в полном смысле этого слова, но очень миловидна. Но более всего меня в ней прельщает что-то благодатное, божественное, что просвечивается в лице ее» [6, с. 142].

И далее, в ответ на расспросы старца, он рассказал: «Отец ее, Михаил Петрович Языков, рано оставил ее сиротой, пяти или шести лет, и она росла в уединении при больной своей матери, Екатерине Александровне, как в монастыре, – всегда читывала ей утренние и вечерние молитвы, и так как мать ее была очень религиозна и богомольна, то у одра ее часто бывали и молебны, и всенощные. Воспитываясь более десяти лет при такой боголюбивой матери, и сама она стала как монастырка. Вот это-то мне в ней более всего и в особенности нравится» [там же].

Надежда видеть Екатерину Михайловну своей женой не покидала Мотовилова вплоть до мая 1832 года, когда он сделал предложение (и получил окончательный отказ), – и это несмотря на предсказание преподобного Серафима, что он женится на крестьянке.

В июле 1836 года Екатерина Михайловна вышла замуж за Алексея Степановича Хомякова⁶ и вошла в круг его друзей. Среди них был и Гоголь, который вскоре стал с ней особенно дружен. Издатель журнала «Русский Архив» Петр Иванович Бартенев, не раз встречавший его у Хомяковых, свидетельствует, что «по большей части он уходил беседовать с

⁶ По свидетельству биографа, «после матери этой женщине <...> суждено было иметь огромное влияние на выработку внутреннего мира Хомякова» [9, с. 5].

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
первая
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 30-41.

Voropaev V.A.
The death of Gogol as a testament to his
descendants. Article 1
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 30-41.

Екатериною Михайловною, достоинства которой необыкновенно ценил» (воспоминания П.И. Бартенева в записи его дочери Т.П. Бартеневой) [2, т. 3, с. 699].

Дочь Алексея Степановича Мария со слов отца передавала, что Гоголь, не любивший много говорить о своем пребывании в Святой Земле, одной Екатерине Михайловне рассказывал, «что он там почувствовал» (Хомякова М.А. Записная книга) [2, т. 2, с. 203].

Едва ли когда-нибудь можно будет до конца понять, почему смерть Екатерины Михайловны произвела такое сильное впечатление на Гоголя. Несомненно, что это было потрясение духовное. Нечто подобное произошло и в жизни Хомякова. Об этом мы можем судить по запискам Юрия Федоровича Самарина, которые священник отец Павел Флоренский называл документом величайшей биографической важности: «Это чуть ли не единственное свидетельство о внутренней жизни Хомякова, притом о наиболее тонких движениях его души, записанное другом и учеником и вовсе не предназначавшееся для печати» [14, с. 321–322]. Остановимся на данном свидетельстве, чтобы уяснить, какое значение смерть жены имела для Хомякова.

«Узнав о кончине Екатерины Михайловны, – рассказывает Самарин, – я взял отпуск и, приехав в Москву, поспешил к нему (Хомякову. – *В. В.*). Когда я вошел в его кабинет, он встал, взял меня за обе руки и несколько времени не мог произнести ни одного слова. Скоро, однако, он овладел собою и рассказал мне подробно весь ход болезни и лечения. Смысл рассказа его был тот, что Екатерина Михайловна скончалась вопреки всем вероятностям вследствие необходимого стечения обстоятельств: он сам ясно понимал корень болезни и, зная твердо, какие средства должны были помочь, вопреки своей обыкновенной решительности усомнился употребить их. Два доктора, не узнав болезни, которой признаки, по его словам, были очевидны, впали в грубую ошибку и превратным лечением произвели болезнь новую, истощив все силы организма. Он все это видел и уступил им <...> Выслушав его, я заметил, что все кажется ему очевидным теперь, потому что несчастный исход болезни оправдал его опасения и вместе с тем изгладил из его памяти все остальные признаки, на которых он сам, вероятно, основывал надежду на выздоровление. <...>

Тут он остановил меня, взяв меня за руку: "Вы меня не поняли: я вовсе не хотел сказать, что легко было спасти ее. Напротив, я вижу с сокрушительной ясностью, что она должна была умереть для меня, именно потому, что не было причины умереть. Удар был направлен не на нее, а на меня. Я знаю, что ей теперь лучше, чем было здесь, да я-то забывался в полноте своего счастья. Первым ударом я пренебрег; второй – такой, что его забыть нельзя". Голос его задрожал, и он опустил голову; через несколько минут он продолжал: "Я хочу вам рассказать, что со мною было. Тому назад несколько лет я пришел домой из церкви после причастия и, развернув Евангелие от Иоанна, я напал на последнюю беседу Спасителя с учениками после Тайной вечери. По мере того, как я читал, эти слова, из которых бьет живым ключом струя безграничной любви, доходили до меня все сильнее и сильнее, как будто кто-то произносил их рядом со мною. Дойдя до слов: «*вы друзья мои есте*» <Ин. 15, 14>, я перестал читать и долго вслушивался в них. Они проникали меня насквозь. На этом я заснул.

На душе сделалось необыкновенно легко и светло. Какая-то сила подымала меня все выше и выше, потоки света лились сверху и обдавали меня; я чувствовал, что скоро раздастся голос. Трепет проникал по всем жилам. Но в одну минуту все прекратилось; я не могу передать вам, что со мною сделалось. Это было не привидение, а какая-то темная непроницаемая завеса, которая вдруг опустилась передо мною и разлучила меня с областью света. Что на ней было, я не мог разобрать; но в то же мгновение каким-то вихрем пронеслись в моей памяти все праздные минуты моей жизни, все мои бесплодные разговоры, мое суетное тщеславие, моя лень, мои привязанности к житейским дрязгам. Чего тут не было! Знакомые лица, с которыми Бог знает почему сходилась и расходилась, вкусные обеды, карты, бильярдная игра, множество

таких вещей, о которых, по-видимому, никогда я не думаю и которыми, казалось мне, я нисколько не дорожу. Все это вместе слилось в какую-то безобразную массу, налегло на грудь и придавило меня к земле.

Я проснулся с чувством сокрушительного стыда. В первый раз почувствовал я себя с головы до ног рабом жизненной суеты. Помните, в отрывках, кажется, Иоанна Лествичника эти слова: «Блажен, кто видел ангела; сто крат блаженнее, кто видел самого себя»⁷. Долго я не мог оправиться после этого урока, но потом жизнь взяла свое. Трудно было не забыться в той полноте невозмутимого счастья, которым я пользовался. Вы не можете понять, что значит эта жизнь вдвоем. Вы слишком молоды, чтобы оценить ее". Тут он остановился и несколько времени молчал, потом прибавил: "Накануне ее кончины, когда уже доктора повесили головы и не оставалось никакой надежды на спасение, я бросился на колени перед образом в состоянии, близком к иступлению, и стал не то что молиться, а испрашивать ее от Бога. Мы все повторяем, что молитва всеильна, но сами не знаем ее силы, потому что редко случается молиться всею душой. Я почувствовал такую силу молитвы, какая могла бы растопить все, что кажется твердым и непроходимым препятствием: я почувствовал, что Божие всемогущество, как будто вызванное мною, идет навстречу моей молитве и что жизнь жены может быть мне дана. В эту минуту черная завеса опять на меня опустилась, повторилось, что уже было со мною в первый раз, и моя бессильная молитва упала на землю! Теперь вся прелесть жизни для меня утрачена. Радоваться жизни я не могу. <...> Остается исполнить мой урок. Теперь, благодаря Богу, не нужно будет самому себе напоминать о смерти, она пойдет со мной неразлучно до конца"».

«Я записал, – продолжает Самарин, – этот рассказ от слова до слова, как он сохранился в моей памяти; но, перечитав его, я чувствую, что не в состоянии передать того спокойно сосредоточенного тона, которым он говорил со мной. Слова его произвели на меня глубокое впечатление именно потому, что именно в нем одном нельзя было предположить ни тени самообольщения. Не было в мире человека, которому до такой степени было противно и несвойственно увлекаться собственными ощущениями и уступить ясность сознания нервическому раздражению. Внутренняя жизнь его отличалась трезвостью, – это была преобладающая черта его благочестия. Он даже боялся умиления, зная, что человек слишком склонен вменять себе в заслугу каждое земное чувство, каждую пролитую слезу; и когда умиление на него находило, он нарочно сам себя обливал струей холодной насмешки, чтобы не давать душе своей испаряться в бесплодных порывах и все силы ее опять направить на дела. Что с ним действительно совершалось все, что он мне рассказал, что в эти две минуты его жизни самопознание его озарилось откровением свыше, – в этом я так же уверен, как и в том, что он сидел против меня, что он, а не кто другой говорил со мною.

Вся последующая его жизнь объясняется этим рассказом. Кончина Екатерины Михайловны произвела в ней решительный перелом. Даже те, которые не знали его очень близко, могли заметить, что с сей минуты у него остыла способность увлекаться чем бы то ни было, что прямо не относилось к его призванию. Он уже не давал себе воли ни в чем. По-видимому он сохранял свою прежнюю веселость и общительность, но память о жене и мысль о смерти не покидали его. <...> Жизнь его раздвоилась. Днем он работал, читал, говорил, занимался своими делами, отдавался каждому, кому до него было дело. Но когда наступала ночь и вокруг него все улегалось и умолкало, начиналась для него другая пора. <...>

⁷ Точнее, не у преподобного Иоанна Лествичника, а у святого Исаака Сирина: «Кто сподобился увидеть самого себя, тот лучше сподобившегося видеть ангелов» (Слово 41) [3, с. 175].

Раз я жил у него в Ивановском. К нему съехалось несколько человек гостей, так что все комнаты были заняты и он перенес мою постель к себе. После ужина, после долгих разговоров, оживленных его неистощимую веселостью, мы улеглись, погасили свечи, и я заснул. Далеко за полночь я проснулся от какого-то говора в комнате. Утренняя заря едва-едва освещала ее. Не шевелясь и не подавая голоса, я начал всматриваться и вслушиваться. Он стоял на коленях перед походной своей иконой, руки были сложены крестом на подушке стула, голова покоилась на руках. До слуха моего доходили сдержанные рыдания. Это продолжалось до утра. Разумеется, я притворился спящим. На другой день он вышел к нам веселый, бодрый, с обычным добродушным своим смехом. От человека, всюду его сопровождавшего, я слышал, что это повторялось почти каждую ночь...» [14, с. 322–325].

Внутренняя жизнь Хомякова была скрыта от современников. Доктор А.Т. Тарасенков писал, что смерть Екатерины Михайловны не столько поразила ее мужа, как Гоголя. Известно, что тот внимательно следил за ходом болезни Хомяковой и полагал, что ее неправильно лечат. «Он часто навещал ее, – свидетельствует Тарасенков, – и, когда она была уже в опасности, при нем спросили у доктора Альфонского, в каком положении он ее находит». Тот отвечал вопросом: «Надеюсь, что ей не давали каломель, который может ее погубить?» Но Гоголю было известно, что каломель уже был дан. Он вбежал к графу А.П. Толстому и воскликнул: «Все кончено, она погибнет, ей дали ядовитое лекарство!» [12, с. 14]⁸.

Мемуаристы отмечали, что в кончине Екатерины Михайловны Гоголь увидел некое предвестие для себя. «Он еще имел дух утешать овдовевшего мужа, – писал доктор Тарасенков, – но с этих пор сделалась приметна его склонность к уединению; он стал дольше молиться, читал у себя Псалтирь по покойнице» [там же]. «Смерть моей жены и мое горе сильно его потрясли, – вспоминал Хомяков, – он говорил, что в ней для него снова умирают многие, которых он любил всей душой, особенно же Н.М. Языков» (Гоголь в письмах А.С. Хомякова и его жены Е.М. Хомяковой (рожденной Языковой) [2, т. 3, с. 198].

После кончины Екатерины Михайловны Гоголь постоянно молился. «Между тем, как узнали мы после, – рассказывал С.П. Шевырев, – большую часть ночей проводил он в молитве, без сна» [2, т. 2, с. 108]. По словам первого биографа Гоголя П.А. Кулиша, «во все время говенья

⁸Уже в наше время была предложена новая версия причины смерти Гоголя: он якобы был отравлен каломелем. «Особенность каломеля заключается в том, – пишет Константин Смирнов в статье «Тайна гения», – что он не причиняет вреда лишь в том случае, если сравнительно быстро выводится из организма через кишечник. Если же он задерживается в желудке, то через некоторое время начинает действовать как сильнейший ртутный яд сулема. Именно это, по-видимому, и произошло с Гоголем: значительные дозы принятого им каломеля не выводились из желудка, так как писатель в это время постился и в его желудке просто не было пищи. Постепенно увеличивающееся в его желудке количество каломеля вызвало хроническое отравление...» [11, см. также 10]. Однако из записок А.Т. Тарасенкова следует, что каломель Гоголю давал доктор С.И. Клименков в ночь на 21 февраля, за несколько часов до кончины писателя, когда тот был уже в беспамятстве. Утверждение, что каломелем «пичкал Гоголя каждый приступавший к лечению эскулап» произвольно и не подтверждается фактами. Невероятно предположить, что Гоголь стал бы принимать это «ядовитое лекарство» после случая с Хомяковой. Тот же Тарасенков свидетельствует: «О лекарствах аптечных он (Гоголь. – В.В.) имел понятие как о ядах и решительно отказывался от них; если же и принимал какое-либо лекарство, то скорее по совету тех, которые утверждали о его испытанной на себе пользе, нежели по назначению самих врачей» [12, с. 6].

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
первая
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 30-41.

Voropaev V.A.
The death of Gogol as a testament to his
descendants. Article 1
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 30-41.

и прежде того – может быть, со дня смерти г-жи Хомяковой – он проводил большую часть ночей без сна, в молитве» [4, т. 2, с. 261].

Незадолго до своей кончины Гоголь на отдельном листке начертал крупным, как бы детским почерком: «Как поступить, чтобы признательно, благодарно и вечно помнить в сердце моем полученный урок? И страшная История Всех событий Евангельских...» [1, т. 6, с. 414]. Биографы гадают, что может означать данная запись. «К чему относились эти слова, – замечал Шевырев, – осталось тайной» [2, т. 2, с. 110]. Ю.Ф. Самарин говорил, что строки, написанные Гоголем перед кончиной, указывают на «какое-то полученное им свыше откровение» (из письма Ю.Ф. Самарина к Н.Ф. Самарину от 16 марта 1852 года) (Свидетельства о Гоголе братьев Ю.Ф. и Д.Ф. Самариных) [2, т. 3, с. 217]. Как знать, не идет ли здесь речь об уроке, сродни тому, который получил Хомяков?..

Литература

1. Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: В 17 т. / Сост., подготовка текстов и коммент. И.А. Виноградова, В.А. Воропаева. М.; Киев: Изд-во Московской Патриархии, 2009–2010.
2. Гоголь в воспоминаниях, дневниках, переписке современников. Полный систематический свод документальных свидетельств. Научно-критическое издание: В 3 т. / Издание подготовил И.А. Виноградов. М.: ИМЛИ РАН, 2011–2013.
3. <Исаак Сирийский, преподобный.> Иже во святых отца нашего аввы Исаака Сириянина Слова подвижнические. М.: Издание Донского монастыря и изд-ва «Правило веры», 1993 / Репринтное издание: Сергиев Посад: Типография Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1911. XII, 435, X, 87 с.
4. <Кулиш П.А.> Записки о жизни Николая Васильевича Гоголя, составленные из воспоминаний его друзей и знакомых и из его собственных писем: В 2 т. СПб.: В типографии Александра Якобсона, 1856.
5. Михаил (Козлов), архимандрит. Записки и письма / Богородице-Рождественский Бобринев монастырь Московской епархии; Издание подготовил И.В. Басин. М., 1996. 160 с.
6. Нилус С. Великое в малом. Новосибирск: Благовест, 1992 / Репринтное издание Свято-Троицкой Сергиевой лавры: Сергиев Посад, 1911. 392 с.
7. <Попова Е.И.> Дневник Елизаветы Ивановны Поповой. 1847–1852 / Под ред. кн. Н.В. Голицына; предисл. Л.В. Беловинского; Гос. публичная историческая библиотека России. М., 2013. 320 с. – (Вглядываясь в прошлое).
 - а. [Печ. по кн.: Попова Е.И. Дневник Елизаветы Ивановны Поповой / Под ред. кн. Н.В. Голицына. СПб., 1911. XV, 283 [6] с. – (Из московской жизни сороковых годов).]
8. Расев А.И., <протоиерей>. Очерк жизни в Бозе почившего Ржевского протоиерея о. Матфея Александровича Константиновского: Сводная редакция (1860–1890–1915) / [Вступ. статьи В. Воропаева; протоиерея А. Шабанова. Примеч. протоиерея А.И. Расева (в тексте)]. Тверь, 2017. 496 с.
9. Ромашков И.И. А.С. Хомяков, его жизнь и поэзия (По поводу сорокалетия со дня его кончины). М.: Университетская типография, 1900. 15 с.
10. Смирнов К. «Самосожжение Гоголя» – результат врачебной ошибки. Гоголь не уморил себя голодом, не сошел с ума, не умер от менингита, он был отравлен врачами! // Чудеса и приключения. М., 1995. № 11. С. 36–42.
11. Смирнов К. Тайна гения. Автор «Мертвых душ» не уморил себя голодом, не сошел с ума, не умер от менингита. Не исключено, что он просто был отравлен врачами // Труд – 7. М., 1996. 1 марта. № 7. С. 8.

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
первая
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 30-41.

Voropaev V.A.
The death of Gogol as a testament to his
descendants. Article 1
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 30-41.

12. Тарасенков А.Т. Последние дни жизни Н.В. Гоголя. Изд. 2-е, доп. по рукописи. М.: Товарищество скоропечатни А.А. Левенсон, 1902. [2], 33 с.
13. Уракова Н. «...Прошу вас выслушать сердцем мою "Прощальную повесть"...» (О духовных причинах смерти Н.В. Гоголя) // Лепта. М., 1996. № 28. С. 164–180.
14. Флоренский П.А., священник. Около Хомякова (Критические заметки) // Флоренский П.А. Сочинения: В 4 т. Т. 2 / Сост. и общ. ред. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского, М.С. Трубачева. М.: Изд-во «Мысль», 1996. С. 278–336

"HOW SWEET IT IS TO DIE!"

The death of Gogol as a testament to his descendants. Article 1

Voropaev V.A.,

*Full Ph.D. (Philology), Professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
voropaevvl@bk.ru*

The article attempts to reconstruct the picture of the last days of Gogol's life on the basis of reliable documentary facts, to answer the questions without the solution of which the creation of a scientific biography of the writer is impossible. They encircle spiritual, worldview and creative problems. In particular, the events related to the death of Khomyakova E.M., in which Gogol, according to contemporaries, saw a foreknowledge for himself, are considered.

Key Words: Gogol, religious world outlook, dying days, the death of Khomyakova, the Gospel, revelation.

References

1. Gogol N.V. Complete works and letters: In 17 t. / Comp., preparation of texts and comments. I.A. Vinogradova, V.A. Voropaeva. Moscow; Kiev: Publishing house of the Moscow Patriarchate, 2009–2010.
2. Gogol in memoirs, diaries, correspondence of contemporaries. Full systematic collection of documentary evidence. Scientific-critical edition: In 3 t. / The edition was prepared by I.A. Vinogradov. Moscow: IMLI RAS, 2011–2013.
3. <Isaac the Syrian, rev.> In the holy fathers of our Abba Isaac the Syrian. Words of the ascetic. Moscow: Publishing of the Donskoy Monastery and the Publishing House «The Rule of Faith», 1993 / Reprinted: Sergiev Posad: The Printing House of the Holy Trinity Sergius Lavra, 1911. XII, 435, X, 87 p.
4. <Kulish P.A> Notes on the life of Nikolai Vasilyevich Gogol, composed of the memoirs of his friends and acquaintances and from his own letters: In 2 t. St. Petersburg: In the printing house of Alexander Jacobson, 1856.
5. Michael (Kozlov), the archimandrite. Notes and Letters / The Theotokos-Rozhdestvensky Bobrenev Monastery of the Moscow Diocese; The publication was prepared by I.V. Basin. Moscow, 1996. 160 p.
6. Nilus S. The Great in the Small. Novosibirsk: Blagovest, 1992 / Reprinted edition of the Holy Trinity Sergius Lavra: Sergiev Posad, 1911. 392 p.
7. <Popova E.I.> Diary of Elizabeth Ivanovna Popova. 1847–1852 / Ed. book. N.V. Golitsyna; pref. L.V. Belovinsky; Gos. public. historical library of Russia. Moscow, 2013. 320 p. – (Looking at the past).
[Pec. by the book: Popova E.I. Diary of Elizabeth Ivanovna Popova / Ed. book. N.V. Golitsyna. St. Petersburg, 1911. XV, 283 [6] p. – (From the Moscow life of the forties).]

Воропаев В.А.
«КАК СЛАДКО УМИРАТЬ!»
Кончина Н.В. Гоголя как его завещание потомкам. Статья
первая
Язык и текст langpsy.ru
2017. Том 4. № 4. С. 30-41.

Voropaev V.A.
The death of Gogol as a testament to his
descendants. Article 1
Language and Text langpsy.ru
4, pp. 30-41.

8. Rasev A.I., <protopriest>. An outline of the life in Boz of the deceased Rzhnevsky archpriest Fr. Matthew Aleksandrovich Konstantinovsky: Consolidated edition (1860–1890–1915) / [Intro articles by V. Voropaev; archpriest A. Shabanov. Note. Protopriest A.I. Rasev (in the text)]. Tver, 2017. 496 p.
9. Romashkov I.I. A.S. Khomyakov, his life and poetry (About the fortieth anniversary of his death). Moscow: University Press, 1900. 15 p.
10. Smirnov K. «Self-immolation of Gogol» – the result of a medical error. Gogol did not starve himself, did not go mad, did not die of meningitis, he was poisoned by doctors! // Miracles and adventures. Moscow, 1995. № 11. P. 36–42.
11. Smirnov K. The secret of genius. The author of Dead Souls did not starve himself, did not go mad, did not die of meningitis. It is possible that he was simply poisoned by doctors // Work – 7. Moscow, 1996. March 1. № 7. С. 8.
12. Tarasenkov A.T. The last days of his life. Gogol. Ed. 2 nd, ext. from the manuscript. Moscow: The Society of Speedy Prints. Levenson, 1902. [2], 33 p.
13. Urakova N. «... I ask you to listen to my "Farewell Tale" with my heart ...» (On the spiritual causes of Nikolai Gogol's death) // Lepta. Moscow, 1996. № 28. P. 164–180.
14. Florensky P.A., the priest. About Khomyakov (Critical Notes) // Florensky P.A. Works: In 4 vol. T. 2 / Comp. and society ed. hegumen Andronik (A.S. Trubachev), P.V. Florensky, M.S. Trubachev. Moscow: Izd-vo «Mysl», 1996. P. 278–336.